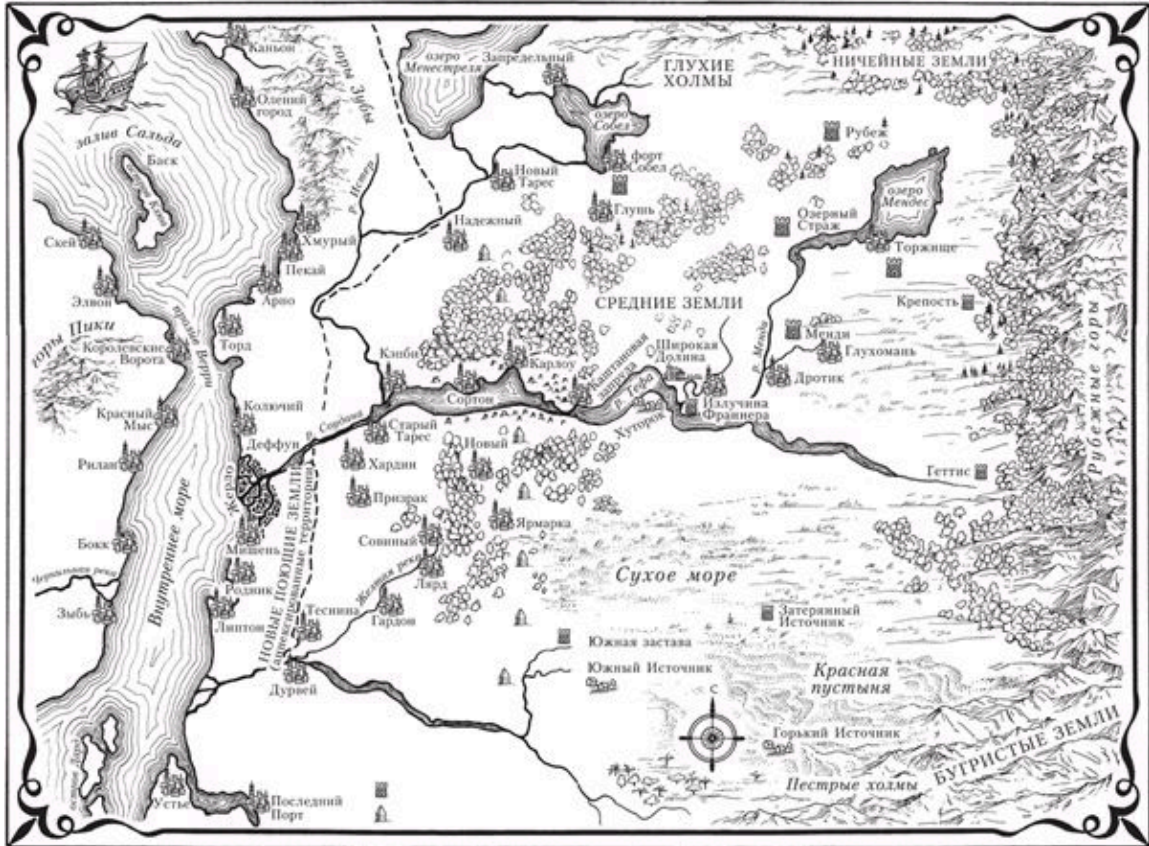

*Посвящается господам Кофеину и Сахару,
помогавшим мне долгими ночами,
когда создавался этот роман*

Глава 1

Магия и железо

Я хорошо помню, как в первый раз увидел магию жителей равнины.

Мне было восемь лет, и отец взял меня с собой на заставу возле Излучины Франнера. Мы встали еще до рассвета, поскольку впереди нас ждал долгий переход, и в полдень увидели флаг, развевающийся над стенами форта, что стоял на берегу реки. Много лет назад его возвели на границе спорных земель, на которые претендовали жители равнины и быстро расширяющего свои владения королевства Герния. Теперь эти места находились далеко от границы, но прежняя военная слава осталась. Ворота охраняли две огромные пушки, однако вдоль покрытого грязью частокла расположились торговые ряды, и потому впечатление возникало не такое грозное. Дорога из Широкой Долины влилась в гораздо более наезженный тракт, берущий начало у развалин. Крыши и стены давно обвалились, остался лишь фундамент с зияющими дырами, похожими на впадины в черепе, лишенном зубов. Я с любопытством посмотрел на них и осмелился задать вопрос:

— Кто жил здесь прежде?

— Люди равнин, — ответил капрал Парт.

По его тону я понял, что больше он ничего говорить не намерен. Он не любил рано вставать и, судя по всему, сейчас винил меня в том, что ему пришлось подняться с постели ни свет ни заря.

Я решил придержать язык, но вопросы сами посыпались как горох:

— А почему дома разрушены? Почему они покинули эти места? Я думал, у жителей равнин не бывает городов. Но тогда откуда взялись эти равнины?

— У людей равнин нет городов. Они ушли потому, что ушли. Дома разрушены из-за того, что строители из жителей равнин ничуть не лучше, чем из термитов. — Негромкий ответ Парта прозвучал так, словно он разговаривал с человеком, глупее которого еще не рождалось на свет.

Мой отец всегда обладал превосходным слухом.

— Невар, — позвал он.

Я слегка прищпорил лошадь, чтобы догнать более мощного скакуна, на котором ехал мой отец. Он бросил на меня короткий взгляд, желая убедиться, что я его слушаю, и сказал:

— Большинство людей равнин не строят городов. Но некоторые, вроде народа беджави, живут в сезонных поселениях. Излучина Франнера — одно из них. Они сюда пришли вместе со своими стадами во время засухи, поскольку здесь имелись хорошие пастбища и вода. Однако они не любят долго оставаться на одном месте, поэтому их постройки не слишком надежны и быстро разрушаются. В другие времена года они уводят стада на равнины, а затем просто следуют за ними.

— Но почему они не захотели остаться здесь и построить себе более надежные жилища?

— У них другие обычаи, Невар. Сказать, что люди равнин не умеют строить, было бы неправильно, ведь они сумели возвести в разных местах несколько монументов, которые имели для них огромное значение, и эти сооружения прекрасно выдержали испытание временем. Когда-нибудь я отведу тебя к одному из них — он называется Танцующее Веретено. Но они не строят городов, как это делаем мы, не избирают правительство и не пытаются заботиться о своем народе. Вот почему они остаются бедными кочевниками, страдают от набегов кидона и капризов природы. Теперь, когда мы убедили беджави осесть на одном месте, стали учить их сооружать постоянные поселения и школы, а также делать запасы провизии, они заживут гораздо лучше.

Я задумался над словами отца. Мне уже приходилось встречаться с беджави. Некоторые из них поселились в северной части Широкой Долины, рядом с владениями моего отца. Однажды я побывал в их деревне. Довольно грязное место — несколько случайным образом построенных домов, без малейших намеков на улицы, повсюду мусор и нечистоты. Мне там не понравилось. Казалось, отец понял, о чем я думаю.

— Иногда людям требуется немало времени, чтобы начать жить по-человечески. Учение, познание нового всегда дается тяжело. Но в

конце концов они многое выиграют. Народ Гернии считает своим долгом помочь жителям равнин приобщиться к цивилизации.

О, это я понимал. Моя неравная борьба с математикой должна была помочь мне стать хорошим солдатом. Я кивнул, и мы продолжали ехать дальше, почти касаясь стремянами.

Город у Излучины Франнера стал местом встреч гернийских купцов, здесь они весьма недешево продавали скучающим по дому солдатам свои товары и покупали самые разные изделия жителей равнин и безделушки для городских рынков запада. Солдаты, как и прежде, жили в казармах, которые все еще оставались сердцем города, а торговля стала еще одним веским поводом для их существования. За пределами укреплений маленького военного поселения появилось множество новых домов, выросших вокруг речных причалов. Многие солдаты уходили на покой и селились здесь, где им могли оказать помощь более молодые собратья по оружию. Наверное, когда-то форт у Излучины Франнера имел стратегическое значение, теперь же он больше походил на тихую заводь. Впрочем, флаги до сих пор поднимались утром с военной точностью и торжественностью. Правда, отец сказал мне по дороге сюда, что служба у Излучины Франнера считается легкой, сюда направляют тех офицеров, кто уже немолод или так и не оправился после ранения, но еще не готов уйти в отставку и вернуться к своим семьям.

Мы прибыли в форт для того, чтобы выяснить, сможет ли отец получить военный контракт на овечьи шкуры, которые использовали для пошива седел. В то время моя семья только начинала заниматься разведением овец, и мы хотели оценить возможные рынки сбыта, прежде чем вкладывать крупные деньги в этих глупых животных. И хотя отцу совсем не нравилась роль купца, он как новоявленный аристократ вынужден был ради процветания поместья заниматься всеми хозяйственными вопросами.

— Я не хочу, чтобы твоему брату, когда он вырастет, достался в наследство только лишь титул. У будущего лорда Бурвиля с Востока должен быть доход, позволяющий ему поддерживать достойный образ жизни. Вероятно, ты полагаешь, будто это не имеет к тебе никакого отношения, юный Невар, поскольку второй сын всегда становится солдатом. Но дело в том, что, когда тебе придет время выходить в отставку, ты сможешь вернуться в поместье брата и будешь доживать

свои дни в Широкой Долине. К тому же доходы поместья определяют, насколько хорошо выйдут замуж твои дочери, ибо долг старшего сына дворянина — обеспечить дочерей своего младшего брата. Тебе следует знать о таких вещах.

Тогда я мало понимал из того, что говорил мне отец. В последнее время он стал общаться со мной гораздо больше, нежели раньше, но я улавливал смысл хорошо если половины из того, что он пытался мне втолковать. Он совсем недавно разлучил меня с сестрами, и я скучал по их обществу и тихим играм. И еще мне очень не хватало маминой нежности. Расставание получилось слишком резким — как только отец обнаружил, что большую часть дня я играю в саду с Элиси и Ярил и что у меня даже есть собственная кукла. Подобное времяпрепровождение вызвало у отца тревогу, природу которой мой восьмилетний разум постичь не мог. Он отругал мою мать — из-за закрытых дверей до меня доносилась их приглушенная «дискуссия», — и в результате сам занялся моим воспитанием. Мои уроки были приостановлены до прибытия нового наставника. В последующие дни отец постоянно держал меня рядом с собой, давал скучные и неприятные поручения и пускался в долгие разговоры о том, какой будет моя жизнь, когда я вырасту и стану офицером королевской каваллы. Кроме того, меня почти постоянно сопровождал капрал Парт.

Такие резкие перемены в жизни выбили меня из колеи. Я чувствовал, что каким-то образом разочаровал отца, но не знал, в чем состояли мои ошибки. Мне хотелось вернуться к сестрам и при этом было стыдно, что я скучаю по ним, поскольку теперь я перестал быть ребенком — пришло мое время стать вторым сыном-солдатом, о чем мне все время напоминали отец и старый толстый капрал Парт. Моя мать говорила про Парта, что его «наняли из жалости». Старый, с солидным брюшком, он был вынужден уйти в отставку и, обратившись к отцу, получил должность сторожа. Теперь он временно замещал няню, которая прежде опекала сестер, а заодно и меня.

Парт должен был учить меня «основам военной выправки и выносливости» до тех пор, пока отец не найдет для меня более подходящего наставника. Парт мне не слишком нравился. Няня Сиси была более строгой и требовала от меня большего, чем капрал. Неуклюжий старик, даже в отставке цеплявшийся за свое звание

капрала, он относился ко мне, как к обузе, и вовсе не рвался отточить мой ум и закалить тело. Довольно часто, вместо того чтобы учить меня верховой езде, он укладывался на часок вздремнуть, поручая мне «быть настоящим маленьким часовым», что означало сидение на ветке раскидистого дерева, пока он спал внизу. Конечно, я ничего не рассказывал отцу. Прежде всего Парт распределил между нами роли: он командир, а я солдат, и объяснил, что настоящий солдат никогда не ставит под сомнение приказы командира.

Моего отца хорошо знали в форте у Излучины Франнера. Мы проехали через город и остановились у ворот крепости. Здесь его встретили с почетом. Я с любопытством смотрел по сторонам — мы миновали бездействующую кузницу, пакгауз и казармы и придержали коней только перед домом командующего. Разинув рот, я таращился на роскошное трехэтажное каменное здание, а отец тем временем давал указания Парту:

— Пусть Невар осмотрит заставу, а ты объясни ему все. Покажи пушку и расскажи о выборе позиции и дальности стрельбы. Укрепления здесь построены в соответствии с классическими канонами. Невар должен понимать, что это означает.

Если бы отец, поднимаясь по ступеням, оглянувшись, он увидел бы, как Парт закатил глаза. Настроение у меня испортилось. Я понял, что Парт не намерен выполнять указания отца и позднее меня обвинят в нежелании учиться — так уже случалось не раз. Однако я решил не допустить, чтобы это снова повторилось.

Капрал жестом велел следовать за ним, и мы прошли с десятков шагов по улице.

— Перед тобой казармы, здесь живут солдаты, — сообщил мне Парт. — А это таверна, где солдаты могут выпить пива и немного отдохнуть, когда свободны от службы.

Здесь и закончилось мое знакомство с фортом. Казармы и таверна были построены из плохо оструганных досок, выкрашенных в зеленый и белый цвет, — длинное низкое здание с открытой террасой, идущей вдоль всей его длины. Свободные от дежурств солдаты чинили форму, чистили сапоги, болтали, курили, что-то жевали, сидя в тени на жестких скамейках. Перед таверной собралась компания людей, подобных которым я видел множество раз. Слишком старые или получившие увечья, они больше не могли служить в армии. Одеты они

были кто во что горазд: и в обноски военной формы, и в гражданскую одежду. За одним из столиков сидела одинокая женщина в выцветшем оранжевом платье, с увядшим цветком за ухом. Она выглядела очень усталой.

Отставные солдаты часто обращались к отцу, рассчитывая получить работу и крышу над головой. Если отцу казалось, будто они могут принести хоть какую-то пользу, он нанимал их, чем неизменно приводил в отчаяние мать. Но этих людей из таверны отец к себе на службу не взял бы ни за что. Их одежда была рваной, небритые лица грязны. Полдюжины мужчин сидели на скамейках, пили пиво, жевали табак и сплевывали вязкую коричневую слюну прямо на землю. Воздух наполнял острый запах табака и пролитого пива.

Когда мы проходили мимо, Парт с тоской посмотрел в сторону низких окон, а потом радостно поприветствовал старого приятеля, которого не видел много лет. Я со скучающим видом отошел в сторону, пока двое друзей через открытое окно таверны обменивались новостями. Приятель Парта опирался локтями на подоконник, а мы оставались на улице. Вев — так его звали — недавно прибыл в форт вместе с женой и двумя сыновьями, которые родились после того, как он вышел в отставку, повредив спину в результате падения с лошади. Как и многие другие солдаты, когда служба для него закончилась, он остался без гроша. Его жена шила, и благодаря этому они могли оплачивать жилье, но денег постоянно не хватало. А чем сейчас занимается Парт? Работает на полковника Бурвиля? Я увидел, как лицо Вева повеселело. Он тут же пригласил Парта присоединиться к нему, чтобы отпраздновать встречу. Когда я собрался последовать за ним, Парт бросил на меня суровый взгляд.

— А ты подожди снаружи, Невар. Я не задержусь.

— Вы не должны оставлять меня одного в городе, капрал Парт, — напомнил я ему.

Я слышал, как отец несколько раз повторял это по дороге сюда, вот почему я удивился, что Парт забыл его наставления. Более того, я рассчитывал на благодарность за то, что помогаю ему избежать неприятностей. Отец внушил мне, что всякий раз, когда он напоминает мне о правиле, которое я забыл, мне надлежит выразить свою признательность.

Однако Парт нахмурился.

— Ты и не будешь один, Невар. Я вижу тебя через окно, к тому же старые солдаты за тобой присмотрят. Тебе нечего бояться. Просто посиди возле двери и подожди меня, как я тебе сказал.

— Но я должен оставаться с вами, — упрямо возразил я.

Мне было велено не покидать Парта, вдобавок ко всему его распоряжение не имело ничего общего с приказом отца показать мне форт. У старого капрала могут быть неприятности из-за того, что он оставил меня одного на улице. А еще я боялся, что отец не ограничится обычным порицанием, если я расстанусь с Партом.

Но приятель Парта тут же нашел решение.

— Мои парни, Ворон и Дарда, тут неподалеку, за углом кузницы, играют с другими ребятами в ножички. Почему бы тебе не посмотреть, как это делается, и не поиграть с ними? Мы посидим здесь немного. Я поболтаю с дядей Партом о том, как найти такую легкую работу, какую он подыскал себе, — вытирать нос сыну старого полковника Бурвиля дело совсем несложное.

— Говори пристойно, когда рядом мальчик! Неужели ты думаешь, он не расскажет о том, что ты болтал? Заткнись, Вев, если не хочешь, чтобы я потерял работу.

— Ну, я не хотел сказать ничего плохого, ведь мальчик все понял, правда?

Я неуверенно улыбнулся. Вев явно дразнил Парта, возможно, заодно насмеялся надо мной и моим отцом. Но я не понимал причины. Разве они не друзья? И если Вев оскорбляет Парта, почему тот просто не уйдет прочь как джентльмен или не потребует удовлетворения, как это часто случалось в историях, которые моя старшая сестра читала младшей, когда родителей не было рядом? Все это показалось мне ужасно сложным, подобно многим другим взрослым разговорам, что велись в моем присутствии в последнее время, — из них почему-то следовало, будто я вырасту женоподобным неженкой. Так или иначе, но я не знал, как мне поступить.

Между тем Парт довольно резко подтолкнул меня в сторону больших парней, которые собрались возле пакгауза, и велел поиграть с ними, сказав, что он скоро вернется, а сам тут же исчез в таверне, оставив меня на улице одного.

Город, выросший при форте, — весьма суровое место, и я об этом знал, несмотря на свои восемь лет, поэтому подошел к большим

парням с опаской. Они играли в ножички в переулке между кузницей и пакгаузом. Перед каждым броском они ставили медные монетки, после чего по очереди метали нож в землю. Ставки делались на то, воткнется ли лезвие в землю и как близко к собственной ноге, не поранив себя, удастся это сделать. Поскольку все участники были босиком, игра вызывала интерес — вокруг столпились пятеро мальчишек. Даже самому младшему из них было лет девять-десять, а старшему — не меньше тринадцати. Все они — сыновья простых солдат — носили истрепанную отцовскую одежду и были грязны, точно бродячие собаки. Пройдет несколько лет, они подпишут бумаги и станут пехотинцами. Мальчишки не хуже меня знали, какое будущее их ждет, и с радостью пользовались отпущенной им свободой, развлекаясь дурацкими играми на пыльных улицах.

У меня не было монеток, чтобы присоединиться к ним, да и одет я был слишком хорошо для их общества, поэтому они немного потеснились, дав мне возможность наблюдать за игрой, но заговаривать со мной никто не стал. И все же из их болтовни между собой я узнал несколько имен. Довольно долго я с интересом наблюдал за происходящим, внимательно слушая, как они ругаются, когда выигрывают или проигрывают очередную ставку. Несомненно, их разговоры сильно отличались от тех, что велись во время чаепитий, которые устраивали мои сестры, и я спросил себя — не такую ли мужскую компанию имел в виду мой отец, когда отчитывал меня за участие в девчоночьих играх.

Солнце приятно припекало, игра все не кончалась, мелкие монетки и другие случайные сокровища переходили из рук в руки. Мальчишка по имени Карки порезал себе ногу, немножко повыл, попрыгал на здоровой ноге, но потом снова вернулся в игру. Ворон, сын Вева, посмеялся над ним и с довольным видом спрятал в карман два пенни и три стеклянных шарика, которые тот поставил на кон. Я был настолько поглощен происходящим, что наверняка не заметил бы разведчика, если бы мальчишки не прекратили игру. Они молча наблюдали за ним, пока он проезжал мимо.

То, что он разведчик, я понял по его одежде, состоящей наполовину из военной формы, наполовину из вещей, которые носят обитатели равнин. Темно-зеленые штаны, как у настоящего кавалериста, каваллы и безупречно чистая льняная рубашка из гардероба кочевников.

Волосы у него были заметно длиннее, чем у обычного солдата, и почти что касались плеч, а головной убор удерживала красная шелковая лента. День выдался теплый, и он закатал рукава рубашки, демонстрируя всем завитки татуировок, браслеты из серебра и бронзы и амулеты из пьютера^[1].

Разведчик сидел верхом на хорошей вороной лошади с длинными сильными ногами, в гриву которой были вплетены амулеты, позвякивавшие при каждом шаге. Я с интересом наблюдал за ним. Говорят, что разведчиков обучают и готовят отдельно. Они являлись офицерами, чаще всего лейтенантами, многие имели благородное происхождение. Обычно они вели независимый образ жизни и подчинялись непосредственно командиру заставы. Разведчиков считали предвестниками всяческих неприятностей, будь то разливы рек, разбитые дороги или волнения среди обитателей равнин.

Вслед за разведчиком на гнедом мерине ехала девочка лет двенадцати или тринадцати. Невысокий скакун с благородно посаженной головой явно происходил от лучших лошадей кочевников. Она ехала верхом, чего никогда бы себе не позволили благородные гернийские девушки, вот почему я сразу решил, что в ее жилах течет смешанная кровь. К тому же об этом говорил и ее наряд. Вообще-то, смешанные браки не такая уж редкость, поскольку гернийские солдаты часто выбирают себе жен среди жительниц равнин, но к полукровкам принято относиться с жалостью.

Впрочем, разведчики редко опускались так низко. Я с нескрываемым любопытством смотрел на девочку. Моя мать часто говорила, что полукровки омерзительны нашему доброму богу, и я с удивлением обнаружил, что такое неприятное слово относится к столь прелестному существу с высоким лбом и удивительными серыми глазами. На ней было надето несколько ярких пышных юбок — оранжевая, зеленая, желтая, — они прикрывали бока лошади и колени девочки, но оставляли открытыми икры и щиколотки, затянутые в мягкие сапожки из кожи антилопы с позвякивающими серебряными амулетами на шнурках. Между юбками и сапожками виднелись свободные белые штаны. Длинные каштановые волосы девочки были заплетены в десяток аккуратных косичек, которые, несмотря на головной убор, спадали ей на плечи. Ее белая блузка с широким воротом не имела рукавов, и поэтому все окружающие могли

любоваться черным ожерельем на ее шее и множеством браслетов, украшавших оба ее предплечья от локтя до запястья. Девочка с гордостью демонстрировала богатство своей семьи. Открытые руки были загорелыми и мускулистыми, как у мальчишки. Она дерзко смотрела по сторонам, чем сильно отличалась от моих сестер — те редко поднимали глаза, когда оказывались в обществе.

Наши взоры встретились, и мы оценивающе оглядели друг друга. Вероятно, она никогда не видела сына-солдата дворянского происхождения, и я невольно расправил плечи, прекрасно понимая, что выделяюсь из толпы грязных оборванных мальчишек своими темно-зелеными штанами, чистой рубашкой и черными сапогами. Я был уже не настолько мал, чтобы внимание юной девушки мне не польстило. Наверное, это разозлило мальчишек, поскольку они уставились на меня, как голодные собаки на пухлого котенка.

Девочка и разведчик спешили у того самого здания, куда вошел мой отец. У мужчины был чистый звонкий голос, и мы все услышали, как он пообещал вернуться, как только доставит донесение командиру. Он дал девочке несколько монет и добавил, что она может сходить на рынок и купить сластей, свежего сока или ленты для волос, но попросил ее дальше не ходить.

— Хорошо, папа, — откликнулась она, и в ее голосе прозвучало нетерпение — ей хотелось поскорее оказаться на рынке.

Разведчик бросил взгляд в нашу сторону и нахмурился, но потом поспешно поднялся по ступенькам и скрылся в доме.

Его дочь осталась на улице одна.

Я знал, что мои сестры, оказавшись в таком положении, пришли бы в ужас. Мои родители никогда не оставляли ни Элиси, ни маленькую Ярил без взрослой спутницы. Быть может, отец не слишком ее любит, подумал я. Но когда девушка с улыбкой двинулась мимо нас к рыночной площади, которая находилась у ворот заставы, я увидел, что она нисколько не напугана и чувствует себя уверенно. У нее была легкая изящная походка, и она явно собиралась получить удовольствие от посещения рынка. Я не спускал с нее глаз.

— Вы только посмотрите на нее, — прошипел один из старших мальчишек своему приятелю.

Ворон понимающе ухмыльнулся.

— Прирученная кобылка. Видишь черную штуку у нее на шее? Пока она ее носит, амулеты не действуют.

Я недоуменно переводил взгляд с одного хитрого лица на другое.

— Какие амулеты? — не выдержал я.

Только теперь Ворон соизволил меня заметить.

— Маленькие звенящие серебряные штуки, вплетенные в волосы, которые должны ее защищать. Магия равнин. Но кто-то ее укротил. Надень железный ошейник на шею женщине равнин, и она не сможет применить против тебя свои амулеты. Она вполне созрела, эта кобылка, можно брать.

— Что брать? — дерзко спросил я.

Я не видел никакой кобылки. Слова Ворона меня смутили, и я хотел получить объяснение. Тогда я еще не знал, что моя дерзкая самоуверенность, обусловленная чувством превосходства над этими мальчишками, сыновьями простых солдат, вызывает жуткую злость. Ворон громко расхохотался, а потом серьезно сказал:

— Ну, выбирать ей друзей, конечно. Ты ведь видел, как она на тебя посмотрела? Она мечтает стать твоим другом. А ты хочешь, чтобы она подружилась с нами, поскольку мы ведь твои друзья, верно? Почему бы тебе не подойти к ней, не взять за руку и не привести к нам?

Голос Ворона был сладок, точно патока, но за вкрадчивыми словами мне явственно послышался вызов. Парень жестом показал остальным мальчишкам, чтобы они отошли в сторонку, и те тут же скрылись в глубине переулка между домами. Мой взгляд задержался на лице Ворона. Его щеки покрывал легкий пушок, в уголках губ собралась грязь. А еще я заметил, что он криво подстрижен и одежда его покрыта пылью. Но Ворон был старше меня, и он играл с ножом, поэтому мне хотелось увидеть уважение в его глазах.

Девушка шла, словно газель, устремившаяся к воде. Она торопилась попасть на рынок, но следила за тем, что происходит вокруг. Она не смотрела на нас, однако я знал, что девушка нас видит. Наверное, она понимала, что мы говорили о ней. Я выскочил из переулка, надеясь ее перехватить, а когда она взглянула на меня, улыбнулся. Девушка улыбнулась в ответ. Этого оказалось достаточно. Я быстро подошел к ней, и она остановилась.

— Привет. Мои друзья хотят познакомиться с вами. — Ничего лучше я придумать не смог.

Тогда я не знал, что заманиваю ее в отвратительную ловушку.

Мне кажется, она это поняла. Ее взгляд скользнул в сторону мальчишек, прячущихся в переулке, а затем она снова посмотрела на меня. Надеюсь, она догадалась, что я не виновен в злом умысле. Девушка вновь улыбнулась, но ее слова прозвучали холодно.

— Я не уверена, что тоже этого хочу. А сейчас мне нужно на рынок. До встречи. — У нее был чистый голос без акцента, и она хотела, чтобы ее слышали мои приятели.

Они и в самом деле всё слышали, а затем и увидели, как она решительно зашагала прочь. Один из мальчишек пронзительно засвистел, после чего Ворон презрительно рассмеялся. Я этого не мог перенести. Бегом догнав девочку, я схватил ее за руку.

— Пожалуйста! Подойдем к ним, скажите моим друзьям всего пару слов.

Она совершенно не испугалась и даже не стала вырывать руку. Доброжелательно посмотрев на меня, она проговорила:

— Ты милый мальчуган, не так ли? Почему бы тебе не сходить со мной на рынок?

Ее приглашение показалось мне более привлекательным, чем компания мальчишек. К тому же я любил ходить на рынок ничуть не меньше, чем мои сестры. Экзотические товары, удивительные безделушки так и просились в руки. А еще я обожал кушанья, которые продавались на рынке; мне нравилась пища людей равнин: пряная сдоба с зернами терна, сладкие и одновременно перченые мясные палочки, маленькие краюшки соленого хлеба с кусочками каррада внутри. Я посмотрел в серые глаза юной девушки и почувствовал, что киваю и улыбаюсь. Я моментально забыл о мальчишках и их игре в ножички. И о том, что мной будет недоволен не только Парт, но и отец, если узнает о моем походе на рынок с девочкой-полукровкой.

Однако мы не успели пройти и пяти шагов, как нас окружили мальчишки. Они улыбались, но мне показалось, что мы находимся посреди голодной волчьей стаи. Перед нами, заставив остановиться, возник Ворон. К нему присоединился Карки, успевший перевязать ногу грязной тряпкой. Пальцы девочки дрогнули в моей руке, и я с неожиданной ясностью понял, что ей страшно. Моя наивная самоуверенность заставила меня сделать шаг вперед и с важным видом заявить:

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Мы идем на рынок.

Ворон ухмыльнулся:

— Нет, вы только его послушайте! Мы не стоим на твоём пути, сын полковника. Мы здесь для того, чтобы проводить вас. Есть короткий путь на рынок. Мы его покажем. Вон там, через переулок.

— Но вон же рынок, его даже видно! — глупо запротестовал я.

Девочка попыталась высвободить руку, но я ее не отпускал. Неожиданно я сообразил, в чем состоит мой долг. Джентльмен всегда защищает женщин и детей. Я инстинктивно догадался, что мальчишки хотят причинить ей вред. Будучи невинным, как младенец, я не мог даже предположить, что они задумали, в противном же случае я испугался бы куда сильнее. Так или иначе, но я был полон решимости охранять девочку.

— Уйдите с дороги, — приказал я.

Но они плотнее сомкнулись вокруг нас, и мы оба невольно отступили на шаг. Они подошли еще ближе, и мы вновь отступили. Нас оттесняли к переулку — так действуют собаки, заставляя овец двигаться в нужном направлении. Я посмотрел через плечо на мальчишек у меня за спиной, и Карки омерзительно засмеялся. И тогда девочка остановилась и аккуратно высвободила руку, которую я по-прежнему сжимал в своей ладони. Парни приблизились еще на шаг. Они вдруг показались мне гораздо выше и страшнее, чем когда я наблюдал за их игрой. Я уловил запах дешевой пищи и немытых тел и быстро огляделся по сторонам, рассчитывая увидеть взрослых, которые могли бы прийти к нам на помощь, но солнце жарило вовсю, и эта часть улицы была пустынной. Люди либо сидели по домам, где было чуть более прохладно, либо толпились на рынке. Немного дальше, возле входа в таверну болтали между собой солдаты. Даже если бы я закричал, взывая о помощи, едва ли кто-нибудь из них обратил бы на нас внимание. Мы находились рядом с переулком, и я понимал, что еще немного — и нас затащат туда, а тогда уж нам никто не поможет. Собрав волю в кулак, я обратился к мальчишкам:

— Мой отец будет очень недоволен, если узнает, что вы не давали нам пройти.

Карки оскалился:

— Твой отец не найдет твоего тела, офицерский щенок.

Меня никогда так не обзывали, и никто мне не угрожал с такой злобой. Мой отец всегда утверждал, что солдаты любят и уважают хороших офицеров. И я считал, что все солдаты к офицерам относятся с почтением. Ненависть мальчишек меня поразила.

Однако девочка сохраняла присутствие духа.

— Я не хочу никому причинять вред, — негромко проговорила она.

Она старалась говорить спокойно, но ее голос слегка дрогнул.

Ворон рассмеялся:

— Неужели ты думаешь, что мы ничего не знаем, кобылка? Ты в ошейнике. Ты укрощена железом. Ты не можешь сделать больше, чем обычная женщина. Ну а если ты немножко покричишь или даже будешь лягаться, никого из нас это не напугает.

Должно быть, он подал своим друзьям какой-то сигнал. А возможно, подобно стае птиц или своре диких псов, парни действовали, повинувшись инстинкту. Двое младших в этой компании мальчишек — даже они были старше и крупнее, чем я, — схватили меня и с криками потащили к узкому проходу между домами. Ворон и Карки бросились на девочку. Я успел увидеть, как их грязные пальцы вцепились в ее белую блузку. В одно мгновение они подняли юную дочь разведчика и поволокли за мной. Остальные мальчишки, возбужденно смеясь и блестя глазами, толпой следовали за нами. На секунду девочка стала похожа на хрупкую испуганную птицу, а потом ею овладела ярость. Пока меня тащили все дальше, она резким движением высвободила одну руку. Я увидел, как ее изящные пальцы нарисовали в воздухе непонятный знак. Движение напомнило мне короткое заклинание, которое использовал отец, когда, седлая лошадь, застегивал подпругу. Но сейчас я стал свидетелем чего-то иного — куда более древнего и могущественного.

Магию описать трудно. Не было ни вспышки молнии, ни зеленых искр, ни даже удара грома, о чем непременно упоминается в старых гернийских легендах. Девочка лишь сделала едва уловимое движение пальцами. Нет, я не могу его описать или повторить, но тем не менее какая-то древняя часть моей души узнала это заклинание. И хотя девочка направляла свою магию против Ворона и его дружков, меня тоже задело. Все мои мышцы сократились, и на один страшный миг мне показалось, что я утратил контроль над кишечником. Я извивался в руках своих врагов, и если бы не потерял самообладания, то легко

вырвался бы на свободу, поскольку они дергались так, словно их кололи иголками.

Двоим парням, державшим девочку, пришлось гораздо хуже. В то время я еще не видел, как люди бьются в судорогах, и только спустя годы понял, что же на самом деле произошло. Оба потеряли контроль над своими телами, а затем Ворона и Карки в буквальном смысле отбросило от девочки, и они упали на землю в нескольких футах от нее, взметнув тучу пыли. Один из младших мальчиков, судя по внешнему сходству, брат Ворона Дарда, завопил от ужаса и бросился в сторону таверны.

Она пошатнулась, когда руки мальчишек резко разжались, и едва не упала на колени, но тут же выпрямилась и поправила блузку, которую нападавшие успели стащить с ее плеч, частично обнажив маленькую грудь. Приведя себя в приличный вид, девочка сделала несколько быстрых шагов вперед.

— Отпустите его! — сквозь стиснутые зубы приказала она двум юным оборванцам, по-прежнему удерживающим меня.

Ее голос прозвучал негромко, но угрожающе.

— Но... твой железный ошейник! — изумленно воскликнул один из мальчишек.

Он смотрел на нее, разинув рот, с испуганным и оскорбленным видом, словно она нарушила правила игры. Второй отпустил меня, и вся ватага бросилась бежать, завывая точно стая собак, которым крепко досталось, хотя я не сомневался, что никто из них не пострадал. Она ничего не ответила бессовестному мальчишке. Ее пальцы задвигались, и смельчак, задавший вопрос, не стал дожидаться, когда она закончит творить заклинание. Он, как и я, знал, что заклинания жителей равнин имеют ограниченную дальность действия. Он резко толкнул меня на девочку, повалив в пыль у ее ног, а сам помчался за своими друзьями. Карки уже исчез, скрывшись за углом в переулке. Пока Ворон поднимался на ноги, девочка помогла встать мне. Потом она повернулась к обидчику, словно намереваясь пожелать доброго дня, и сказала:

— Черная краска на бронзе, и никакого железа. Мой отец никогда не наденет железо на одну из нас. Он не приносит железо в наш дом.

Ворон медленно отступал от нас. Его лицо покраснело от злобы, в черных глазах сверкала ярость. Решив, что находится в безопасности,

Ворон остановился и принялся обзывать девочку самыми отвратительными словами, какие только знал, — большинство из них я раньше даже не слышал. Напоследок он заявил:

— Твой отец опозорил себя, когда вставил свой член твоей матери. Уж лучше бы он проделал это с ослицей и произвел на свет мула. Вот кто ты есть — кобыла, лошачка. Мул. Помесь. Уродец. Ты можешь обрушить на нас свои гнусные чары, но наступит день, когда один из нас оседлает тебя. И прольется кровь. Ты еще поплатишься.

Ворон становился все смелее, — быть может, мой разинутый рот добавил ему уверенности. И тут разведчик, — совершенно бесшумно подошедший сзади к Ворону, схватил его за плечи. Одним стремительным движением он развернул мальчишку и тыльной стороной ладони ударил его по лицу. Он нанес удар, совершенно не сдерживаясь, похоже, даже не пытаясь сделать скидку на то, что перед ним подросток. Я услышал треск ломающихся костей и понял, что Ворон еще долго не произнесет ни одного бранного слова — до тех пор, пока у него не заживет челюсть. Казалось, этот звук послужил заклинанием, привлекающим любопытных, — люди срывались со своих мест в тени возле казарм и таверны и торопливо двигались к нам. Среди них я заметил Дарду, который за руку тащил Вева, своего отца. Тут же появился мой отец, яркий румянец гнева заливал его щеки.

Казалось, все заговорили одновременно. Девочка подбежала к отцу. Он обнял ее за плечи и, склонив к ней голову, негромко сказал:

— Мы уезжаем, Сил. Прямо сейчас.

— Но... Я так и не побывала на рынке! Папа, это была не моя вина!

Вев опустил на колени возле Ворона, затем посмотрел на разведчика и завопил:

— Проклятье, он сломал моему мальчику челюсть!

Из таверны выходили все новые люди, щурясь от яркого солнечного света, словно ночные животные, которых разбудили тревожные крики. Они злобно смотрели на разведчика, а потом с сочувствием на лежащего на земле мальчика.

— Невар, — резко обратился ко мне отец, — как ты оказался вовлечен в эту историю? И где Парт?

Парт, усы которого еще не успели просохнуть от пива, возник за спиной отца — он едва ли не последним вышел из таверны.

Подозреваю, он распивал очередную кружку пива вместе с Вевом, когда тот выскочил из-за стола и бросился на улицу. Парт тут же закричал, заглушая остальных:

— Слава добрым богам! Вот мальчишка. Невар, немедленно иди сюда! Я тебя искал. Ты ведь знаешь, что нельзя убегать и прятаться от старого Парта. Форт — это не место для баловства.

Голос моего отца мог перекрыть шум битвы. Однако он не кричал. Все дело было в том, как он говорил.

— Можешь возносить хвалу, кому пожелаешь, Парт, но меня ты не обманешь. Ты больше на меня не работаешь. Забирай свое седло.

— Но, сэр, во всем виноват мальчишка! Он убежал, как только вы вошли в дом...

Парт смолк. Мой отец уже не обращал на него внимания. Впрочем, как и все остальные. Командир заставы спустился по ступенькам с крыльца и решительно направился к нам, а его помощник, старавшийся не отставать, что-то быстро ему говорил. Потом он вышел вперед, расчищая начальнику гарнизона дорогу в толпе зевак, и наконец они приблизились к нам. Следует отдать должное командиру — он выглядел совершенно спокойным, даже равнодушным.

— Что здесь происходит? — строго спросил он.

Все, кроме Вева, замолчали, а тот заявил:

— Он ударил моего мальчика и сломал ему челюсть, сэр! Это сделал разведчик! Подкрался к моему мальчику и ударил его!

— Разведчик Халлоран. Ты можешь объяснить свои действия?

Лицо Халлорана превратилось в маску. Во мне что-то сжалось, хотя я не смог бы объяснить, что означала такая перемена в лице. Разведчик ответил, тщательно подбирая слова:

— Сэр, он оскорблял мою дочь и угрожал ей.

Командир нахмурился.

— И все? — спросил он, дожидаясь более подробных объяснений.

Наступило долгое молчание. Я пришел в замешательство и поежился. Девочек нельзя оскорблять. Даже я это знал. И тогда я исполнил свой долг. Мой отец часто повторял, что мужчина обязан всегда говорить правду. Я откашлялся и проговорил:

— Они схватили ее за руки и попытались затащить в переулок. Потом Ворон назвал ее лошачкой, а после того, как она его отшвырнула, сказал, что оседлает ее. И прольется кровь.

Я повторил только те слова, что были мне знакомы, однако их взрослый смысл от меня ускользнул. Насколько я понял, он назвал девочку мулом. Мне было хорошо известно, что меня бы выпороли, если бы я осмелился обозвать так своих сестер. Ворон вел себя грубо, и его за это наказали. Я говорил громко и четко, а потом добавил больше для отца, чем для командира:

— Я пытался ее защитить. Ты говорил мне, что девочек бить нельзя. А они едва не сорвали с нее блузку.

Я замолчал, и вновь воцарилась тишина. Даже Вев прекратил свои жалобы, а Ворон стал стонать тише. Я огляделся по сторонам, все смотрели на меня. Меня поразило лицо отца, на котором гордость мешалась со смущением. Потом заговорил разведчик:

— Я бы сказал, в целом мальчик верно обрисовал то, что произошло, и я действовал в соответствии с обстоятельствами. Найдется ли среди вас отец, который сможет меня в чем-нибудь обвинить?

Никто не выступил в его защиту, все продолжали помалкивать, и тогда командир холодно заметил:

— Всего этого можно было бы избежать, если бы у тебя хватило здравого смысла оставить ее дома, Халлоран.

Похоже, слова начальника заставы позволили Веву вновь дать волю собственной злобе. Он вскочил на ноги, бросив мальчика, и тот жалобно вскрикнул. Вев приближался к разведчику, опустив руки и слегка согнув ноги в коленях, — все понимали, что он ждет малейшего повода, чтобы броситься на Халлорана.

— Это ты во всем виноват! — прорычал солдат. — Зачем ты привез девочку в город и позволил ей гулять без присмотра, соблазняя парней? — Затем его голос поднялся до крика: — Ты разрушил жизнь моего мальчика! Его челюсть не срастется так, как положено, и он никогда не станет солдатом! И что ему тогда делать, скажите мне? Добрый бог объявил, что ему следует быть солдатом, — сыновья солдат всегда становятся солдатами. Но ты сломал ему жизнь из-за своей полукровки! — Кулаки Вева тряслись, словно безумный кукольник дергал за невидимые веревочки.

Я боялся, что дело вот-вот дойдет до драки. Люди опасливо подались назад, образуя круг. Разведчик бросил быстрый взгляд на командира. Потом мягко поставил дочь себе за спину. Я принялся в

растерянности озираться по сторонам, но мой отец находился на противоположной стороне круга и даже не смотрел на меня. Он не сводил взгляда с командира, по-видимому ожидая от него какого-то приказа.

Однако командир молчал. Солдат набросился на разведчика, но тот уклонился и дважды быстро ударил Вева в лицо. Мне показалось, что солдат тут же упадет. Наверное, Халлоран подумал так же, но Вев нарочно прикинулся неуклюжим, чтобы разведчик расслабился. Халлоран совершил ошибку — солдат неожиданно развернулся и с силой саданул его под ребра. Разведчик потерял равновесие и повис на противнике, и тот успел нанести еще два удара. Оба получились сильными и точными. Девочка вскрикнула и закрыла лицо руками, когда глаза Халлорана закатились. Вев громко рассмеялся.

Он попался на собственную уловку. Разведчик и не собирался падать, больше того — внезапно он перешел в контратаку. Последовал молниеносный удар в лицо. Солдат пронзительно закричал. Халлоран сделал подсечку, и Вев упал в пыль. Несколько человек в толпе закричали и бросились вперед. Вев не смог сразу же подняться на ноги. Он с трудом повернулся на бок, прижимая руки к лицу. Между пальцев текла кровь. Солдат закашлялся.

— Стойте! — наконец вмешался командир.

Я не знал, почему он ждал так долго. Его лицо потемнело от прилившей к нему крови — никакой командир не захочет, чтобы подобные драки происходили у него на заставе. Конечно, Халлоран был всего лишь разведчиком, но еще сыном дворянина и офицером. Командиру не следовало разрешать простому солдату вроде Вева начинать драку. Откуда-то появились солдаты в форме. Я сообразил, что их привел помощник командира. Теперь, когда за его спиной появилась стена зеленых мундиров, начальник заставы отдал серию резких приказов:

— Окружите всех, кто здесь собрался. наших отведите в казармы. Пришлым следует покинуть город. Передайте часовым, чтобы их не пускали в течение трех дней. Сыновья должны следовать за своими отцами.

Я знал, что у командира было такое право. Наступит день, и сыновья солдат сами станут солдатами. И если он командовал отцами, то мог в случае необходимости отдавать приказы и сыновьям.

— Он ударил офицера, — негромко проговорил мой отец.

Он не смотрел ни на командира с разведчиком, ни на меня. Его взгляд был устремлен в пустоту. Отец произнес эти слова вслух, но оснований считать, будто они обращены к командиру, не было. Однако начальник заставы счел возможным их услышать.

— Эй, ты! — обратился он к Веву. — Собери вещи и своих щенков и покинь форт. Поскольку я человек милосердный, а последствия твоего проступка заденут твою жену и дочерей, я разрешаю показать сына лекарю, чтобы он вправил ему челюсть перед тем, как вы все покинете заставу. Но завтра к вечеру чтобы духу твоего здесь не было!

Толпа недовольно зароптала. Наказание было суровым. Другие поселения находились далеко, а это означало изгнание в засушливые равнины. Я сомневался, что у Вева имелся фургон или лошади. Солдата и всю его семью ждали серьезные лишения. Кто-то из его друзей подошел, чтобы помочь ему поднять сына. Они бросали злобные взгляды в сторону командира и разведчика, пока возились со стонущим Вороном, но молчали. Солдаты в зеленой форме выдвинулись вперед, чтобы никому не пришло в голову бунтовать. Толпа начала расходиться.

Разведчик молча стоял, положив руку на плечо дочери. От полученных ударов в живот его лицо слегка позеленело. И я не понимал, защищает ли он дочь или опирается на нее. Она рыдала, захлебываясь слезами. Я ее не винил. Если бы кто-нибудь так ударил моего отца, я бы тоже расплакался.

— Мы уезжаем домой, — успокаивающе сказал разведчик.

— Халлоран, — сурово проговорил командир.

— Сэр?

— Никогда больше не привози с собой дочь. Это приказ.

— Можно подумать, я собирался. — От досады разведчик даже забыл о субординации. Однако опомнился, понизил голос и опустил глаза. — Сэр.

Только тогда я понял, как сильно Халлоран ненавидит командира. Но командир сделал вид, будто ничего не заметил, и я подумал, что он боится разведчика.

Больше ничего сказано не было. Для меня весь мир вдруг замер, и, погрузившись в оцепенение, я пытался осмыслить то, чему стал свидетелем. Солдаты разгоняли толпу, сопровождая свои действия

толчками и руганью. Мой отец молча стоял рядом с командиром. Они наблюдали за тем, как разведчик вместе с дочерью направляется к лошадям. Девочка перестала плакать. Теперь ее лицо сделалось спокойным, словно с него стерли все чувства, и если они и говорили между собой, то я ничего не услышал. Халлоран помог девочке сесть на лошадь, легко вскочил в седло сам, и они поехали прочь. Я долго смотрел им вслед. Когда я перевел взгляд на отца, то заметил, что возле переулка остались только командир, отец и я.

— Подойди, Невар, — позвал отец, словно я был потерявшимся щенком, и я послушно приблизился к нему. Он положил мне руку на плечо и спросил: — Как ты ввязался в эту историю?

Мне и в голову не приходило солгать ему. Я подробно рассказал все с той самой минуты, как Парт оставил меня на улице, и до появления отца. Взрослые молча выслушали меня. Когда я повторил угрозу Карки о том, что отец никогда не найдет мое тело, глаза полковника Бурвиля сверкнули. Он посмотрел на командира заставы, и тот заметно побледнел. Когда я закончил свой рассказ, отец покачал головой.

Я встревожился:

— Отец, я что-нибудь сделал не так?

Командир ответил прежде, чем успел заговорить отец.

— Взяв с собой дочь-полукровку, Халлоран привез в форт беду. Но, Кефт, пусть твой сын не беспокоится из-за нее. Если бы я знал, что Вев такой наглый негодяй, я бы не позволил ему и его семье поселиться на моей заставе. Сожалею, что твой сын видел и слышал все это.

— Я тоже, — мрачно согласился отец.

Слова командира его не удовлетворили.

— В конце месяца, — торопливо добавил командир, — я пришлю человека, который заполнит бумаги о закупке овечьих шкур. У вас не будет конкурентов, и вы получите заказ. Имея дело с вами, я знаю, что вступаю в сделку с честным человеком. Искренность вашего сына тому гарантия. — Казалось, для командира было важно заслужить уважение моего отца.

— Вы делаете мне честь, сэр, — с некоторой неохотой ответил отец и едва заметно поклонился, принимая комплимент.

Они попрощались. Мы направились к нашим лошадям. Парт стоял неподалеку, седло лежало у его ног, лицо выражало отчаяние. Мой отец даже не взглянул в его сторону. Он помог мне сесть в седло,

поскольку лошадь была для меня высоковата, привязал к луке своего седла поводья коня, на котором раньше ехал Парт, и мы молча тронулись в путь. Когда мы миновали часовых у ворот, я с грустью посмотрел в сторону прилавков на рыночной площади. Мне так хотелось побродить между ними с хорошенькой дочерью разведчика! Однако мы не остановились даже для того, чтобы поесть, и я понимал, что сейчас не стоит жаловаться. В наших седельных сумках лежали бутерброды с мясом и фляжки с водой. Солдат всегда должен о себе заботиться сам. Тут у меня возник вопрос.

— Почему Ворон назвал дочь разведчика лошачкой?

Отец не смотрел в мою сторону.

— Потому что она полукровка, сын. В ее жилах течет кровь жителей равнин и гернийцев, а таких полукровок всюду не любят. Так мул — помесь лошади и осла — не является ни лошадью, ни ослом.

— Она сотворила заклинание.

— Да, ты говорил.

Его тон показывал, что отец не хочет обсуждать со мной эту тему. Я почувствовал смущение, но не удержался от следующего вопроса:

— Я поступил неправильно?

— Тебе не следовало отходить от Парта. Тогда бы ничего не произошло.

Я немного подумал. Слова отца показались мне несправедливыми.

— Если бы меня там не было, они бы не послали меня к девочке. Но мне кажется, что они все равно попытались бы заманить ее в переулок.

— Весьма возможно, — неохотно согласился отец. — Однако в этом случае ты не оказался бы свидетелем этих событий.

— Но... — я попытался довести свою мысль до конца, — если бы меня там не было, девочка пострадала бы. А это очень плохо. — Верно, — согласился отец, и некоторое время тишину нарушал лишь цокот копыт наших лошадей.

Наконец отец остановил своего скакуна, и я последовал его примеру. Он вздохнул, облизнул губы — я видел, что он колеблется. Я молча смотрел ему в глаза. Еще раз глубоко вздохнув, он заговорил:

— Ты не сделал ничего постыдного, Невар. Ты защищал женщину и сказал правду. Я ценю оба этих поступка. После того как ты стал свидетелем происходящего, ты не мог поступить иначе. Однако твои слова поставили командира заставы в трудное положение. Было бы лучше, если бы ты остался с Партом.

— Но тогда девочка пострадала бы.

— Вполне вероятно. — В голосе отца появилось напряжение. — Но она пострадала бы не по твоей вине, и нас бы это не касалось. Скорее всего, никто не поставил бы под сомнение право ее отца наказать обидчика. А так разведчик сломал челюсть сыну солдата только за то, что тот угрожал его дочери, и столь жестокое наказание вызвало у людей недовольство. Хент не самый сильный командир. Он просит у своих людей разрешения вести их, вместо того чтобы требовать повиновения. Из-за того что ты вступился за девочку, а потом дал показания, командиру пришлось принимать решение. Отца нахального мальчишки и его семью изгнали с заставы. Простым солдатам это не понравилось. Они понимают, что нечто подобное может произойти с любым из них.

— Командир позволил солдату ударить разведчика, — сообразил я.

— Да. Он сделал это для того, чтобы у него появился повод наказать солдата вовсе не за оскорбление, которое нанес его сын дочери разведчика. Однако командиру не следует действовать так трусливо, и тем самым он совершил постыдный поступок. А я стал тому свидетелем, значит часть стыда и ответственности за его неумение разрешить сложную ситуацию перейдет на меня и на тебя. К сожалению, я ничего не мог поделать, поскольку командир он. Если бы я поставил под сомнение его решение, то мог пошатнуть его авторитет. Офицеры не должны так поступать друг с другом.

— Но тогда... а достойно ли вел себя разведчик Халлоран? — Мне очень хотелось понять, кто в этой истории был прав.

— Нет. — Тут у отца не было ни малейших сомнений. — Поскольку он повел себя недостойно еще в тот день, когда выбрал себе жену из жительниц равнин. А потом совершил глупую ошибку, взяв дочь на заставу. Сын солдата отреагировал на появление полукровки самым естественным образом. Щеголя яркими юбками и обнаженными руками, она всем продемонстрировала свое происхождение. Для мальчишек это стало своеобразным сигналом. Они знали, что она не сможет стать достойной женой гернийца, более того, и большинство жителей равнин не будут иметь с ней дело. Рано или поздно она попадет в солдатский бордель. Вот почему эти мальчишки так себя вели.

— Но...

Отец тронул поводья своего коня. Мы поехали дальше.

— Пожалуй, став участником сегодняшних событий, ты получил хороший урок. Мы больше не будем об этом говорить, и ты не станешь ничего рассказывать матери или сестрам. До заката нам предстоит проделать большой путь. И я хочу, чтобы, вернувшись домой, ты написал длинное сочинение о долге сына подчиняться отцу. Я считаю, это будет достойным завершением, ты согласен со мной?

— Да, сэр, — тихо ответил я.

Глава 2

Предвестник

Мне исполнилось двенадцать лет, когда посланец принес первое сообщение о наступающей с востока чуме.

Как ни странно, тогда это известие не произвело на меня особого впечатления. Тот год не слишком отличался от всех прочих. Ранним утром мы с сержантом Дюрилом, моим наставником в искусстве верховой езды, как всегда, отправились на тренировку. У моего отца был мерин по кличке Гордец, которым он ужасно гордился. Тем летом мне впервые разрешили на него сесть. Гордец был прекрасным скакуном каваллы, его не нужно было обучать боевым ударам копыт или выездке, но я сам еще мало что умел и учился у лошади не меньше, чем у сержанта Дюрила. Любые ошибки, которые мы совершали, делались по моей вине. Всадник должен составлять единое целое со своим скакуном, предвидеть каждое его движение, ему не следует слишком прикипать к шее или, наоборот, отклоняться в сторону.

Но в тот день не было ни прыжков, ни атакующих ударов. Я должен был расседлать Гордеца и снять с него сбрую, а затем продемонстрировать, что способен взобраться на него и скакать без седла и уздечки.

Конь был высоким и стройным, с прямыми ногами, похожими на железные прутья. Когда Гордец пускался галопом, казалось, будто он летит. Несмотря на его терпение и добрый нрав, мне было очень трудно взбираться на него с земли — попросту не хватало роста, — но Дюрил настаивал, что мне необходимо овладеть этим искусством. Раз за разом я повторял свои попытки.

— Кавалерист должен уметь скакать на любой лошади при любых обстоятельствах, в противном случае ему придется признать, что у него сердце пехотинца. Неужели ты хочешь спуститься с холма и сказать отцу о своем намерении записаться в пехоту, вместо того чтобы

служить в кавалле? В таком случае я лучше останусь здесь, поскольку не хочу быть свидетелем того, что он с тобой сделает.

Подобным образом Дюрил изводил меня постоянно, и я льстил себе, полагая, что переносу его издевательства лучше, чем большинство парней моего возраста. Он появился у двери нашего дома около трех лет назад, рассчитывая получить работу — ему пришлось по возрасту выйти в отставку, и мой отец охотно принял к себе бывшего подчиненного. Сержант Дюрил достойно отслужил в армии и считал, что для него только естественно жить на земле лорда Бурвиля и служить ему так, как он прежде служил полковнику Бурвилю. Мне кажется, он получал удовольствие, обучая меня, второго сына своего бывшего командира, сына-солдата, которому предстояло пойти по стопам отца и стать офицером.

Сержант был высохшим маленьким человечком со смуглым и подвижным морщинистым лицом. Он ходил в немного потрепанной, но удобной одежде — по ней сразу было заметно, что ее хозяин большую часть времени проводит в седле, даже после стирки она имела цвет дорожной пыли. Он неизменно носил кожаную шляпу с обвисшими полями, украшенную стеклянными бусинками и клыками диких зверей. Светлые глаза моего наставника пристально смотрели на мир из-под ее полей. В его каштановых волосах виднелись седые пряди. От одного уха у старого сержанта осталась лишь половина да уродливый шрам. В виде компенсации он постоянно носил ухо кидона в кошельке на поясе. Я видел его всего один раз, но не сомневался, что это именно ухо.

— Я взял его за то, что он попытался забрать мое. Варварский поступок, но в то время я был еще слишком молод. Кровь текла по шее, и я не совладал с гневом. Поздно вечером, когда сражение закончилось, я посмотрел на дело своих рук, и мне стало стыдно. Однако было уже слишком поздно, и я не смог его выбросить. С тех пор я ношу его с собой, дабы помнить о том, что война может сделать с молодым человеком, — сказал он мне. — И я поведал тебе эту историю не для того, чтобы ты поделился со своей маленькой сестричкой, а та со своей леди мамочкой, которая непременно пожалуется полковнику, что я учу тебя дикости.

Я хочу, чтобы ты подумал над моими словами. Прежде чем учить жителей равнин цивилизованному образу жизни, следует сначала

показать им, что мы способны победить их в бою, причем не опускаясь до их уровня. Но когда человек сражается не на жизнь, а на смерть, об этом трудно помнить. В особенности если ты молод и тебя окружают одни дикари. Большинство наших парней были добрыми и честными, когда покидали дом, но со временем стали такими же жестокими, как жители равнин. Многие из них так и не вернулись домой. И не только те, кто погиб в сражениях, но и те, кто уже не имел больше права считать себя цивилизованными людьми. Они остались там, женились на женщинах равнин и стали частью того мира, который мы пытаемся укротить. Помни об этом, молодой Невар. Не забывай о том, кто ты есть, когда вырастешь и станешь офицером, как полковник.

Иногда он вел себя так, словно я был его собственным сыном, рассказывал истории из солдатской жизни, делился непритязательной мудростью о том, как выжить на войне. Но гораздо чаще он обращался со мной как с новичком-рекрутом или глупым псом. Однако я никогда не сомневался, что он меня любит. У сержанта было три сына. Он вырастил их и отправил служить и только после этого пришел заниматься к моему отцу. Как это часто бывает с простыми солдатами, он потерял с ними связь — за год он мог не получить весточки ни от одного из них. И его это не тревожило, ибо ничего другого он и не ждал. Сыновья обычных солдат становились солдатами. Так говорится в Писании: «Пусть каждый сын идет по стопам отца своего».

Конечно, со мной дело обстояло иначе. Я был сыном аристократа. «А тем, кто преклоняет колени только перед королем, следует иметь много сыновей. Первый будет наследником, второй пусть носит меч, третий станет священником, четвертый озаботится прекрасным, пятый умножает знания...» — и так далее. Я так и не заучил эту цитату до конца. У меня было свое место в этом мире, и я его знал. Я второй сын, рожденный «носить меч» и вести людей в бой.

В тот день я сбился со счета и уже не знал, сколько раз взбирался на спину Гордеца и ездил на нем по кругу без седла и упряжи. Перед каждым кругом мне полагалось оседлать и взнуздать коня, а потом расседлать и снять с него сбрую. Спина и плечи у меня болели от тяжелого седла, которое я то снимал, то вваливал на спину мерина, пальцы почти онемели от повторения заклинания «Держись крепко» над подпругой. Я в очередной раз боролся с упряжью, когда сержант Дюрил неожиданно приказал:

— Следуй за мной!

С этими словами он пришпорил своего коня и поскакал вперед.

У меня не оставалось дыхания даже для того, чтобы выругаться себе под нос, но я поспешно закончил возиться с подпругой и, торопливо сказав: «Держись крепко», вскочил в седло.

Те, кто не скакал верхом по равнинам центральных графств, могут рассказывать о том, какие они плоские и однообразные и как бесконечно они тянутся. Быть может, они кажутся таковыми пассажирам небольших суденышек, что движутся по водным артериям, разделяющим и объединяющим равнины. Я вырос в центральном графстве и хорошо знал, насколько обманчивы здешние плавные подъемы и спуски. Для сержанта Дюрила это тоже не являлось секретом. Мирные овраги и расселины вдруг разевали свои жадные пасти, готовые поглотить неосмотрительного всадника. Даже небольшие ложбины часто оказывались настолько глубокими, что могли скрыть коня вместе со всадником или бегущего оленя. То, что неопытный глаз принимал за обычный кустарник, оказывалось зарослями серповидных ягод, практически непроходимыми для лошади.

Внешность обманлива, часто повторял сержант. Он нередко рассказывал мне о том, как люди равнин использовали подобные особенности местности для устройства ловушек и засад. Они обучают лошадей ложиться на землю, и орда ревущих воинов возникает словно бы из-под земли, атакуя ничего не подозревающих кавалеристов, которые, не видя опасности, растянулись в цепочку. Вот и сейчас, даже сидя на рослом Гордеце, я уже не видел сержанта Дюрила и его коня.

Степные просторы казались пустынными. В Широкой Долине почти нет деревьев — если не считать тех, что посадил отец. Деревца, которым удавалось вырасти самостоятельно, обычно располагались возле родников, иногда пересохших, а порой еще дающих воду. Но по большей части растительность в наших краях представляла собой всевозможные кустарники, украшенные скудной листвой пыльного серо-зеленого цвета. Они удерживали воду в кожистых листьях или покрытых колючками ветвях. Я не стал торопиться, внимательно оглядев линию горизонта, но так и не увидел сержанта. Остались лишь едва различимые на твердой почве следы копыт Хруща. И я поехал по ним.

Мне приходилось наклоняться к самой шее Гордеца, чтобы не потерять след, при этом меня распирала гордость, что я так здорово справляюсь с задачей. Все это длилось до тех пор, пока мне в спину — весьма больно — не ударил камень. Я выпрямился, потирая ушибленное место — наверняка там появится новый синяк. Дюрил возник у меня из-за спины, держа в руках пращу.

— Ты мертв. Мы описали круг. А ты был настолько поглощен изучением следов, юный Невар, что перестал смотреть по сторонам. Этот камень вполне мог быть стрелой.

Я устало кивнул. Спорить было бесполезно. Бесполезно возражать, что, когда я вырасту, меня будет окружать отряд всадников и кому-то из них я поручу нести дозор, пока другие отыскивают след. Нет. Лучше уж смириться с синяком и молча кивнуть, чем часами выслушивать наставления.

— В следующий раз я не забуду, — пообещал я.

— Хорошо. Но хорошо только потому, что я метнул маленький камешек и у тебя *будет* следующий раз. А со стрелой следующего раза не жди. Поехали. Только прежде подними камень.

Он пришпорил Хруща и вновь ускакал прочь. Я спрыгнул на землю и довольно быстро отыскал камень. С тех пор как мне исполнилось девять лет, Дюрил «убивал» меня по нескольку раз в месяц. Поначалу я сам решил подбирать камни — наверное, слишком близко к сердцу принимал факт своей «смерти», мне даже казалось, что, если бы Дюрил был по-настоящему злым, моя жизнь действительно бы оборвалась. Когда Дюрил понял, что я делаю, он стал подыскивать для пращи снаряды поинтереснее. На сей раз это был отполированный временем кусочек красной яшмы размером с половинку яйца, который он нашел на берегу реки. Я засунул камень в карман, чтобы добавить его к коллекции на полке в классной комнате. Потом вскочил в седло и поскакал за Хрущом.

Вскоре я его догнал, и мы остановились на невысоком холме, откуда открывался вид на Тефу, лениво несущую свои воды. Перед нами расстилались поля хлопчатника, принадлежащие моему отцу. Их было четыре, но каждый год одно из них оставляли под паром. Я мог без труда отличить поле, засеянное третий раз подряд — на истощенной земле растения были чахлыми и низкорослыми. У нас в степях редко собирали хороший урожай на третий год. Следующим